

ГРАНИ ТАЛАНТА

На футлярах кассет — даты и города мира. «Июль 1974-го. Будапешт, Бойто «Мефистофель», «Апрель 1975-го. Венская Штаатс-опера. Верди «Дон Карлос», «Гастроли Большого театра в Нью-Йорке», «Постановка «Бориса Годунова» в Аргентине», Моисей в одноименной опере Россини и Мефистофель в опере Гуно спеты в Италии в сезоне 1976 — 1977 годов.

Нестеренко с юмором вспоминает, как растерялись местные рецензенты во время гастролей Большого театра в Италии.

— Недоумевали, кто же я: баритон или бас? В одном случае спел профундную партию Кончака, а затем — баритональную, князя Игоря в опере Бородина. Гадали долго и в конце концов сошлись на определении, успокоившем приверженцев вокальных традиций, — «бас широкого диапазона». Конечно, нижнее «фа» у Кончака и верхнее «соль-бемоль» у Игоря — это больше двух октав и доступно не каждому басу. Но разве в этом дело? Ведь прежде всего это противостоящие друг другу личности. Разница в характерах, в психологии, а отсюда и совершенно различные средства воплощения этих образов на сцене. Вот где главная трудность: имеешь ли ты диапазон творческий? А уж ремесло вокальное — это только «условие игры». Конечно, непременимое.

Но вот появилась пленка с короткой пометкой — «1976 год, Борис Годунов». Нет нужды говорить о том, что означает для любого баса партия Бориса Годунова в опере Мусоргского. Сколько певцов было, есть и будет у подножия этого монумента русской классики, но «достичь высшей власти» суждено немногим. Что подкупает в Борисе Евгения Нестеренко? Прежде всего независимость. Независимость певца от груза традиции, готовой подавить любого исполнителя пар-

ца, понимаешь, что это не простое исполнительство, а сотворчество. И уже не просто тенденция, а настоящая страсть артиста к отечественной музыке, поэтическому русскому слову раскрывается в этом сотворчестве.

Поэтическое слово для Нестеренко — понятие особое. Многие знают, что автор популярных литературных передач о творчестве Пушкина и Чехова для радиостанции «Юность» — Евгений Нестеренко. Что, например, новый перевод текста партии Мефистофеля в опере Ш. Гуно он сделал сам...

...Естественно, увидеть артиста в рабочей обстановке, услышать его в концерте или спектакле — одно, а побывать в его доме, там, где рождаются планы, замыслы, — совсем иное дело. Ведь личная библиотека, фотографии, афиши порой могут сказать о широте интересов хозяина больше, нежели самые подробные описания. Пожалуй, самым примечательным в кабинете Нестеренко — фонотека! Мы разговаривали и слушали, обменивались мнениями и снова слушали. Стереопроигрыватель наполнял комнату голосами великих певцов, звучали записи спектаклей с их участием. И конечно, мы слушали, как пел сам Нестеренко. Вопросы были не нужны.

согревает мысль, что слушатель, зная, к примеру, «Сомнение», «Ночной смотр», ну еще два-три популярных романа, будет два часа слушать Глинку. И я отдам все силы, чтобы менее искушенная часть зрителей в зале поняла — камерное творчество Глинки необъятно и прекрасно. Русская и советская музыка постоянно волнует меня и во многом определяет мою камерно-концертную деятельность.

Да, подавляющее большинство программ певца состоит из произведений русских и советских классиков. На каждом концерте зал щедро принимает все, что стремится донести до него певец. Даже самым искушенным импонирует эта просветительская, первооткрывательская позиция артиста. Мне вспоминается одно из таких открытий певца: Дмитрий Шостакович — «Сюита для баса с оркестром на стихи Микеланджело Буонарроти». Прекрасное пение Нестеренко, отличный оркестр под управлением Максима Шостаковича. Они разделили успех с композитором, сделали это исполнение ярким событием в нашей музыкальной жизни.

Плодотворно развивается сотрудничество певца с Георгием Свиридовым. Нестеренко говорил о любви к музыке композитора, к произведениям его на слова Пушкина, Бёрна... Когда слушаешь их в исполнении пев-

ца, если не живет в нем подлинный художник.

Неожиданная легкость фигуры под тяжестью парчовых одеяний, почти болезненная хрупкость всего царского облика; ясно видимые через весь гигантский зал черные окружая глаз. Смятенная душа преступного царя. Такого Бориса я никогда не видел. В Годунове Нестеренко ясно ощущаешь, чего хотел Борис. Желал блага другим и благости своей. Желал, но не смог. Где-то подсудно ощущается, что освещает дорогу певцу шалаяпинский гений, но нет и тени коповиков, сбиться на которую так легко.

— А эта запись мне особенно дорога, — говорит Евгений Нестеренко. — С «Руслана» началась моя работа в Большом театре. Глинка великолепен, но труден необычайно. Знаете, что такое подвижная часть арии Руслана? И холодный пот, и горячий.

Конечно, на сцене этого заметно. Был статный, полный силы богатырь, давно хотелось видеть такого Руслана. Была и мощь, и полетность голоса, что помогало ему рассеять оркестровый вал и покрывать огромное пространство главного оперного театра страны.

И ЕЩЕ одна сторона жизни в искусстве — педагогика. — Понимаете, это мой профессиональный долг, — объясняет Нестеренко. — Тяга к вокальной педагогике появилась еще в Ленинграде, когда заболел мой педагог В. Луканин и я стал заниматься с его классом. Казалось, ничего трудного, но прозанимался год — и ушел: преподавательское дело оказалось тяжелейшим. Возвращаясь к педагогике не думал. Пел в Кировском театре, в концертах Ленинградской филармонии. Копил опыт, знания. Понемногу пришло ко мне исполнительское умение. И лишь смутно чувствовал, что, познавая свое дело, подхожу к нему не только как исполнитель. А затем так и

не погибший во мне педагог вышел, как говорится, «на авансцену». Так вот ровно через год после первой неудачи я снова стал преподавать в Ленинградской консерватории. Но многое прибавилось к желанию учить, прежде чем я осознал это как свой долг.

Да, преподавание стало для Евгения Нестеренко неотъемлемой частью его творческой жизни. У него не пара учеников «по совместительству», а большой вокальный класс. И не только класс. Он возглавляет вокальную кафедру Московской государственной консерватории. Это огромная ответственность. Ответственность за методику, организацию процесса обучения певцов ведущего музыкального вуза страны. Это уже не только профессиональный долг, а высокая гражданственная позиция певца и человека, который по своей природе не может не отдавать всего себя служению искусству.

...Одна из последних премьер певца на сцене Большого театра — партия Звамбая в опере О. Тақтакишвили «Похищение луны». Мы разговариваем с лауреатом Государственных премий СССР, народным артистом СССР, композитором Отаром Тақтакишвили.

— Евгений Нестеренко, — говорит он, — это, прежде всего, настоящий друг, на которого можно положиться в большой и серьезной работе. Кроме безупречной вокальной стороны партии Звамбая, он продемонстрировал настоящее искусство перевоплощения, глубоко проник в музыкальную поэтику грузинской национальной культуры. Я считаю Евгения Нестеренко образцом современного певца и музыканта. Он сочетает талант большого артиста с глубоким интеллектом и широкой эрудицией...

Ю. ДОРОХИН.

На снимке Евгений Нестеренко.

ВЗВЕЩАЮТ МОЩЬ

7 ДЕК 1977